ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

ХЕМНИЦЕРА.

Изданіе Александра Смирдина.

1852.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Цѣна за соч. Хемницера 50 коп. сер.

СОЧИНЕНІЯ

ХЕМНИЦЕРА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 18 Марта 1852 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

БАСНИ и СКАЗКИ.

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ

М.... А........

Д.......

Милостивая Государыня!

Лишь только я успѣлъ сказать:
«Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ требуютъ, и мнѣ васъ больше не держать;
Ступайте.
Пріятелямъ моимъ привыкъ я угождать;
Они меня о томъ не разъ уже просили,
Чтобъ напечатать васъ отдать.»
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тутъ приступили
И каждая, принявъ и голосъ свой и видъ,
«Старикъ» мнѣ первый говоритъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь,
Что ты безъ всякой насъ защиты отпускаешь!
Ужли ты для того на свѣтъ насъ жить пустилъ,
И насъ, дѣтей своихъ, лелѣялъ и училъ,
Чтобъ мы на произволъ судьбы теперь остались
И безъ прибѣжища скитались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ:

Что въ море бы одним ребятамъ не пускаться?—
А ты теперь и самъ что дѣлать съ нами сталъ!»
Бѣднякъ тожъ къ рѣчи тутъ присталъ:
«А я куда гожусь? какъ въ свѣтъ мнѣ показаться?
Ты знаешь, батюшка, довольно, свѣтъ каковъ:
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ.
Ты знаешь, сколько въ немъ на правду негодуютъ,
И какъ порочные умы объ ней толкуютъ;
А ты, вѣдь, батюшка, когда насъ воспиталъ,
«Ну, дѣти! правдою живите,
«И правду говорите»
Всегда намъ толковалъ.
Такъ ты насъ подъ ея защитой отпускаешь!
Помилуй, развѣ ты не знаешь,
Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріемъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго теперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣтъ еще разъ съ правдой пока-
заться?
Нѣтъ, ежели ты въ свѣтъ задумалъ насъ пустить,
Отдай Д..... насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хоть мы отъ злыхъ услышимъ поношенье,
Что станемъ правду говорить,
Но въ Ней *не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхож-*
денье:
Ея *одно въ томъ утѣшенье,*
Одинъ законъ, одно ученье,
Чтобъ правду слышать и любить.
Она насъ иногда отъ клеветы избавитъ,
А именемъ твоимъ тебя и насъ прославитъ,
И нашихъ недруговъ заставитъ,

Можетъ быть,
Еще насъ и любитъ.
Хоть правда въ свѣтѣ нетерпима,
Но изъ прекрасныхъ устъ все можетъ быть любима».
«Какъ? Ей представить васъ? что вы, съ ума сошли?
Подите жъ прочь, пошли, пошли!» —
Сперва таки какъ ладъ просили, все просили;
Но вдругъ какъ подняли и вой
И плачъ такой:
— Ой батюшка! постой, постой!
Ой, что задумалъ ты надъ нашей головой! —
Тутъ всѣ они свои заслуги протвердили
Безъ череды и чередой:
Иная басня тутъ медвѣдемъ заплясала;
Другая тутъ свиньей визжала.
Медвѣдь сказалъ:
Что развѣ ты забылъ, какъ въ баснѣ я плясалъ?
Свинья свое напоминала,
И съ прочими туда жъ твердитъ:
Припомни, какъ меня въ девятой баснѣ били,
Гоняли, мучили, тузили.
Слоны съ Коровой приступили —
Корова говоритъ:
Что, развѣ даромъ я подъ сѣдакомъ страдала,
За Лошадь службу отправляла,
И невпопадъ ступала;
А что я не скакала,
Такъ я не виновата въ томъ,
Что не родилася конемъ.

Слоны свое тутъ толковали:
Да мы чѣмъ виноваты стали,
Что, новый ты совѣтъ затѣявъ учредить,
И съ нами,
Слонами,
Скотовъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ труды пропали?
Такъ изъ чего жъ бы намъ служить? —
И уши крикомъ мнѣ и восмъ прожужжали.
Другіе-было всѣ тудажъ еще пристали;
Но я, чтобъ какънибудьскорѣй ихъ съшеи сжить,
Сталъ гнать ихъ отъ себя, кричать на нихъ, бранить:
Поди, уродлива станица! отступися.
Они, Сударыня! *и пуще привяжися.*
Я имъ въ разсудокъ говорить:
Да какъ уродовъ васъ Д....... *мнѣ представить?*
Иль вкусъ и красоту Ея *мнѣ оскорбить,*
И самому себя предъ Нею *обезславить? —*
Ну, кстати ли! они никакъ не отставать:
Стоятъ на томъ, чтобъ Вамъ *въ защиту ихъ отдать.*
Хотя бы, говорятъ: мы Ей *не показались,*
Такъ мы бы именемъ Ея *покрасовались.*
Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня станица ни просила;
Но вдругъ гдѣ ни взялась, жена тутъ приступила,
Котору въ сказкѣ я десятой описалъ.
Тутъ я, Сударыня! *что дѣлать ужъ не зналъ;*

И чтобъ скорѣй съ ней разойтиться,
Я былъ ужъ принужденъ рѣшиться.
Да, да, я ей сказалъ:
Такъ точно; знаю, знаю;
Подите только прочь, я все вамъ обѣщаю...
Давъ слово, долженъ я сдержать.
Не надобно бы такъ нескромно обѣщать.
Но силу кротости и власть разсудка зная,
И вздорную лишь тѣмъ исправить уповая,
Подумалъ я: ну, что жъ! пусть будетъ и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будетъ злая
Обезоружена
Жена...
Пожалуйте ее, Сударыня! *исправьте.*
А мнѣ простите слогъ простой,
И счастье тѣмъ мое составьте.
Позвольте, чтобъ Вамъ *былъ покорнѣйшимъ слугой*

Иванъ Хемницеръ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

—

I.

ДЕРЕВО.

—

Стояло Дерево въ долинѣ,
И на судьбу свою пѣняя, говоритъ:
«Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой нибудь горы стоитъ?»
И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ Дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
— Добро, перемѣню твое я состоянье,
Ко угожденью твоему. —
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору премѣнить.

Итакъ подъ Деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ Дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.
Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть:
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И Дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
«Счастливы» говоритъ,
Деревья, что стоятъ въ долинѣ:
Имъ буря столько не вредитъ.»
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырвано — упало.
Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

═

II.

КОНЬ и ОСЕЛЪ.

—

Конь, всадникомъ гордясь,
И выступкой храбрясь,
Рѣзвился,
И какъ-то оступился.
На ту бѣду Оселъ случился,
И говоритъ Коню: «Ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я, ходя цѣлый день, ни разу не споткнуся;
Да полно я и берегуся.»
— Тебѣ ли говорить!
Конь отвѣчалъ Ослу: — и ты туда жъ несешься!
Твоею выступкой ходить,
И вѣкъ не спотыкнешься. —

III.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ.

—

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ,
Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ,
И говоритъ ему: «Ахъ, сынъ любезный мой!
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай», продолжалъ: «тебя я одного
Наслѣдникомъ всего
Имѣнья оставляю,
А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него».

Сынъ усомнился и не знаетъ
Какъ рѣчь отцову разсудить.
Но наконецъ отцу о братѣ представляетъ:
— А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство
Съ его обидою имѣнье получить? —
«О братѣ нечего» сказалъ отецъ «тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.»

═

IV.

СКВОРЕЦЪ и КУКУШКА.

—

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.
Къ нему съ вопросами Кукушка приступила,
И говорила:
«Скажи, пожалуй, мнѣ, что̀ слышалъ ты объ насъ;
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О Соловьѣ какая рѣчь идетъ?»
— На похвалу его и словъ недостаетъ.
«О Жаворонкѣ что жъ?» Кукушка повторяетъ.
— Весь городъ и его не мало похваляетъ. —
«А о Дроздѣ?»
— Да, хвалятъ и его, хотя и не вездѣ. —
«Позволишь ли ты мнѣ» Кукушка продолжала:
«Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить,
И обо мнѣ, мой другъ, что̀ слышалъ ты? спросить:
Весьма бъ я знать о томъ желала.
И я-таки — пѣвала »

— А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигдѣ ни слова не слыхать.
«Добро!» Кукушка тутъ сказала:
«Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говорить.»

═

V.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтрее не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ,
И нужные къ тому сбирать припасы сталъ;
И собралъ ужъ не мало.
Построить долго ли? лиха бѣда начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ:
Все нашъ строитель отлагаетъ
Строенье до другого дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ
Припасы лишь одни.

VI.

ОТЕЦЪ и СЫНЪ ЕГО.

—

Былъ жилъ отецъ; имѣлъ онъ сына;
А сынъ его ужъ былъ дѣтина.
Онъ сыну говоритъ: «Пора, мой сынъ, пора,
Для твоего добра,
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко, у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей семьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратится,
Такъ и для этого ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ и стороной,
А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое, да другое.
Помилуй, что̀ такое?
Я право говорить объ этомъ ужъ усталъ.»
— Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора рѣшиться;
И я ужъ радъ жениться,
Какъ скоро лишь примѣръ найду,
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу. —

═

VII.

ГАДАТЕЛЬ.

—

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо ль онъ, иль нѣтъ,
На свѣтѣ проживетъ?
О чемъ нерѣдко размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И что съ нимъ сбудется, его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
«Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ.

VIII.

МУЖИКЪ и КОРОВА.

—

Коня у Мужика не стало,
Такъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что, говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало;
Но, не смотря на то, онъ на корову сѣлъ
Затѣмъ, что вдаль пѣшкомъ идти не захотѣлъ.
Онъ сѣлъ, корову понукаетъ;
Корова только лишь подъ сѣдакомъ шагаетъ.
Сѣдокъ корову погоняетъ;
Корова выступкой все тою же ступаетъ,
И только лишь подъ нимъ пыхтитъ.
Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину,
Корову понуждалъ какъ вялую скотину,
Считая, что она отъ палки побѣжитъ.
Корова пуще лишь пыхтитъ,
Потѣетъ и крехтитъ.
Сѣдокъ удары утроляетъ;
Корова все шагаетъ,
А рыси, хоть убей,
Такъ нѣтъ у ней,

Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась.
Не мудрено: скакать корова не родилась.
А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому уж не летать.

IX.

ДВА СОСѢДА.

—

Худой миръ лучше доброй ссоры, —
Пословица старинна говоритъ;
И каждый день намъ то жъ примѣрами твердитъ:
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ;
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла:
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ..
«Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить:
Швырять въ нее, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой,
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой, —
Обычай на Руси такой.

Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили. —
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой.
Непремиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой;
Другой, что свинью затравили.
И первый говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.»
Другой же говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.»
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили;
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во что бъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда имъ судьи говорили:
«Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.»

X.

ТѢНЬ МУЖА и ХАРОНЪ.

—

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, что́ вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшится,
Когда однихъ худыхъ я стану осуждать.
А, право, мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ житья отъ женъ своихъ не стало;
А этакъ поступать вамъ, право, не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена
Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ;
Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько лѣтъ,
Скончался.
Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ разстался,
То къ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ.
А за рѣкою той — піиты увѣряютъ —
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.

Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: «Харонъ, куда моя жена
Тобою перевезена,
Въ рай или въ адъ?» — Въ рай. — «Можно ль статься?
Меня куда жъ везешь?» — Туда жъ, гдѣ и она. —
Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить.»
— Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ надъ тобой хотѣлось подшутить:
Я въ адъ ее отвезъ. Ей кстати въ адѣ быть,
И съ дьяволами жить и знаться:
И въ свѣтѣ вѣдъ она
Была прямая сатана!

═

XI.

КАЩЕЙ.

Какой-то былъ Кащей и денегъ тму имѣлъ;
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить,
И къ милосердію и впредь Его склонить,
Или чтобъ совѣсть успокоить,
Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строютъ, и почти достроили его.
Кащей мой домъ свой посѣщаетъ;
Смотря онъ на него,
Любуется и разсуждаетъ:
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ!
Такъ внутренно Кащей мой домомъ веселится;
Какъ нѣкто мимо проходилъ,

У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
«Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?»
— Довольно здѣсь ихъ можетъ жить;
Но всѣхъ хозяину сюда не помѣстить,
Которыхъ по міру заставилъ онъ ходить.

═

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ НОШЕЮ.

—

Сколь часто служитъ въ пользу намъ,
Что́ мы вредомъ себѣ считаемъ!
Сколь часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!
Сколь часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакой путемъ-дорогой шелъ,
И ношу на плечахъ имѣлъ,
Которая его ужъ такъ отяготила,
Что на пути пристановила.
«Провалъ бы эту ношу взялъ!»
Крестьянинъ проворчалъ:
«Я эту ношу
Сброшу
И налегкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этого вездѣ, куда приду,
Найду.»
А ноша та была кошель, набитый сѣномъ;
Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.

Сталъ нашъ Крестьянинъ въ пень, не знаетъ что начать;
Однако вздумалъ отдыхать,
И мыслитъ: «Отдохнувъ немного, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хоть съ ношею пойду;
Быть такъ, добро, пущуся.»

Пошелъ Крестьянинъ въ путь и ношу взялъ съ собой.
А надобно здѣсь знать, что было то зимой,
Когда лишь только рѣки стали,
И снѣги льда еще не покрывали.
Лежитъ Крестьянину дорога черезъ ледъ.
Крестьянинъ ничего не думавши идетъ:
Вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился;
Однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
Крестьянинъ, вѣрно бъ, ты убился,
Когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

═

XIII.

ДВА СЕМЕЙСТВА.

—

Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:
Гдѣ ладъ, тамъ и успѣхъ;
А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ.
Я правду эту вновь примѣромъ докажу;
Картины Грезовы я сказкой разскажу:
Одна счастливую семью изображаетъ,
Другая же семью несчастну представляетъ.
Семействомъ счастливымъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такой
Рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчали,
Которы трудности сей жизни представляли.
Согласно мужъ съ женой,
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу межъ камнями плывутъ.
Сама любовь, въ лицѣ грести имъ пособляя,
Ихъ тяжкой облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ.
Покой и счастіе дѣтей,

Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждают.
Другимъ семействомъ тожъ представленъ мужъ съ
женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ.
Но худо лодка ихъ плыветъ;
Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ.
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ;
И криво съ лодкою и вкось они плывутъ.
Не знаютъ дѣти ихъ покою,
И другъ у друга всякъ кусокъ послѣдній рветъ.
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину быстриною
Ужъ лодку ихъ несетъ.

═

XIV.

СОВѢТЪ СТАРИКА.

—

Дѣтина старика какого-то спросилъ:
«Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за что̀ бы мнѣ приняться?»
— По совѣсти признаться,»
Старикъ дѣтинѣ говорилъ:
Я право самъ не знаю,
Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой, присудить;
И сколько головы на этомъ ни ломаю,
Я только два пути могу тебѣ открыть,
Какъ до чиновъ дойтить;
А больше способовъ не знаю:

Будь храбръ, мой другъ. Иной
Прославился войной;
Все отложивъ тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И въ самомъ дѣлѣ то сыскалъ,
Чего сыскать желалъ.
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ;

Въ судахъ и при Дворѣ, великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ;
Но въ томъ великія лишь души успѣваютъ. —
«Все это хорошо» дѣтина говорилъ:
«Но если мнѣ тебѣ по совѣсти открыться,
Такъ я никакъ не воображалъ,
Чтобъ до чиновъ добиться
Ты столько трудностей мнѣ разныхъ насказалъ.
Мнѣ кажется, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?»

— Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить:
А и глупцовъ чиновныхъ много. —

═

XV.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

—

Двѣ Мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя достались,
А потому онѣ и разну жизнь ведутъ:
Одна Мышь въ житницу попала,
Другая Мышь въ амбаръ пустой.
Одна въ довольствѣ обитала,
Не видя нужды никакой;
Другая жъ въ бѣдности живетъ и все горюетъ,
И на судьбину негодуетъ.
Съ богатой видится и съ нею говоритъ;
Но въ житницу ея попасть никакъ не можетъ,
И только тѣмъ однимъ сыта, что рухлядь гложетъ.
Клянетъ свою судьбу, хозяина бранитъ;
И наконецъ къ нему Мышь бѣдна приступила,
Сравнять ее съ своей подругою просила.
Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ,
И Мыши говорилъ,
Котора съ жалобой своею приходила:
«Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,

И тѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
Хозяину мышамъ не сдѣлать уравненье.
И я скажу тебѣ:
Амбаръ и житницу построилъ я себѣ
На разное употребленье;
А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
Котора, гдѣ и какъ живетъ.»

═

XVI.

ЛЖЕЦЪ.

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ и въ дѣлѣ,
И лжетъ, душа покуда въ тѣлѣ.
Ложь — рай его, блаженство, свѣтъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣтъ.
Я самъ лжеца такого
Зналъ,
Который никогда не выговоритъ слова,
Чтобы притомъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опыты здѣсь были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили,
И всякъ по своему объ нихъ сталъ толковать.
Кто говоритъ: въ огнѣ алмазы исчезаютъ,
Что̀ въ самомъ дѣлѣ было такъ.
Иные повторяютъ:
Изъ нихъ, какъ изъ стекла, что̀ хочешь выливаютъ.
И такъ
И сякъ
Объ нихъ твердятъ и разсуждаютъ.

Но что последнее неправда, знаетъ всякъ,
Кто Химіи хотя лишь нѣсколько учился.
Лжецъ тотъ, котораго я выше описалъ,
Не вытерпѣлъ и тутъ солгалъ.
«Да,» говоритъ: «да такъ; я самъ притомъ случился,
(Лишь только-что не побожился)
Какъ способъ тотъ нашли,
И до того алмазъ искусствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавить стали.
А этакой алмазъ мнѣ самому казали,
Который слишкомъ въ фунтъ изъ мелкихъ былъ стоп-
ленъ.»
Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложь безстыдную съ терпѣніемъ внимаетъ,
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя тотъ видъ,
Что будто ложь его онъ правдою считаетъ.
Спустя дней нѣсколько лжецу онъ говоритъ:
— Какъ-бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Который сплавили? я право позабылъ.
Въ фунтъ, кажется, ты говорилъ? —
«Такъ точно, въ фунтъ,» лжецъ подтвердилъ.
О, это ничего; теперь ужъ плавить стали
Алмазы вѣсомъ въ цѣлый пудъ;
А фунтовымъ алмазамъ тутъ
И счетъ ужъ потеряли.» —
Лжецъ видитъ, что за ложь хотятъ ему платить,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавить,
И лжей алмазъ побольше сплавить;
Сказалъ: «Ну, такъ и быть;
Фунтъ пуду долженъ уступить.»

XVII.

БАРОНЪ.

—

Жилъ былъ скупой богачъ, и у него одинъ
Былъ сынъ.
Отецъ его скончался;
Наслѣдства милліонъ молодчику достался;
И захотѣлъ сынокъ, имѣвши милліонъ,
Барономъ сдѣлаться, — и сдѣлался Баронъ.
Баронство куплено; теперь задумалъ онъ
Быть, сверхъ того, еще и знатнымъ господиномъ,
И слыть Барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
Но все сбирался и хотѣлъ
Министромъ быть при кабинетѣ,
Чтобъ въ царскомъ засѣдать совѣтѣ,
Иль славнымъ полководцемъ быть.
Баронъ! достоинства за деньги не купить. —
Но все Баронъ не могъ рѣшиться
Къ чему бы лучше прилѣпиться,
Гдѣ бъ больше чести доступить:
Въ министры ль добиваться,
Иль въ полководцы попытаться?

Итакъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ Баронъ;
А все достоинство Барона — милліонъ.
Онъ удивленье былъ народовъ,
Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.
Доходами его почти весь городъ жилъ.
Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.
Льстецамъ онъ покровитель былъ,
И ревностно тому служилъ,
Кто ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ;
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно восхищался,
Тотъ, вѣрно, помѣщенъ въ число друзей тѣхъ былъ,
Которые на счетъ Барона ѣли, пили,
Смѣясь въ глаза его хвалили;
И въ тотъ же самый часъ мѣшки его счечили,
Какъ увѣряли всѣ его:
Что противъ глазъ такихъ, какіе у него,
И Аргусовы ничего.

На долго ль моту милліона?
Ему другого нѣтъ закона,
Какъ только чтобъ по волѣ жить,
Своимъ богатствомъ величаться,
Страстямъ и прихотямъ служить.

Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше добиваться
Министромъ, полководцемъ быть,
И только къ роскоши развратной прилѣпился:
Пилъ, ѣлъ и веселился,

А какъ весь милліонъ Бароновъ истощился,
То сталъ опять Баронъ
Ничто, какъ былъ и прежде онъ.
Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очутился;
И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

═

XVIII.

МЕДВѢДЬ-ПЛЯСУНЪ.

—

Плясать Медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
«Вѣдь Мишка къ намъ опять явился.»
Откуда кто пустился,
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цалуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что̀ съ Мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать
Ни описать!

И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что̀ только Мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили,
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,
Насилу, такъ какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ ѝ землю хватился,
Когда плясать было-пустился;
А Мишка видя то,
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искусство все затмили.
На Мишку окрикъ всѣ: «Прочь, прочь отсель сейчасъ!
Скотина этака умнѣй быть хочешь насъ!»
И всѣ на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

XIX.

ОРЛЫ.

—

Сначала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ;
А тамъ перегодя немного,
Пошло и вкриво все и вкось,
И отъ часу все хуже, хуже,
Покуда наконецъ хоть брось.
Не знаю череду ведутъ ли люди ту же;
Но слово въ басни сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой,
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ Орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла Орловъ входить,
И словомъ, въ обществѣ одномъ съ Орлами быть.

И такъ живутъ Орлы, храня уставъ свой строго,
И никакой изъ птицъ къ Орламъ приступу нѣтъ.
Прошло, не знаю сколько лѣтъ;
Однако помнится немного.
Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вотъ что̀ предлагаетъ:
«Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ,
Орламъ,
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды тутъ нѣтъ.»
И впрямъ, Орлы на то сказали:
— Его полетъ....
А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ. —
И Сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
«Что пользы Ястребъ то жъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили
И Ястреба принять.»
Но тутъ было Орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать;

Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И Ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и Ястребъ то жъ Орламъ сталъ представлять:
Что нужны птицы тѣ, другія,
Певѣдъ какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Что жъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представ-
вленья,
И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ стали принимать и Филиновъ и Совъ.

═

XX.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ.

—

Былъ у отца сынъ Малой молодой,
Шалунъ и бѣдокуръ такой,
Хоть голову кому такъ радъ сорвать долой.
Какая только гдѣ проказа не случится,
Нашъ Малой завсегда тутъ первымъ очутится.
«Что,» говоритъ отецъ, «съ повѣсой мнѣ начать,
И чѣмъ его унять?»
Однако, чтобъ себя стыда и бѣдъ избавить,
А въ Маломъ жару поубавить,
Онъ способъ съ нимъ еще вотъ этотъ предпріялъ:
(Какъ матушка на то любезна ни косилась)
Въ Америку его на сколько-то послалъ.
Что жъ, чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
Ужли смирнѣе Малой сталъ?
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ,
И для того отецъ и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что какъ пути въ немъ не видать,
То бъ въ службу Малого военную отдать.
Поплакали, погоревали,
И наконецъ его въ солдаты записали,

Что въ самомъ дѣлѣ для него
Казалося тогда полезнѣе всего:
Хоть межъ военными и всякіе бываютъ,
Но палкою они жить многихъ научаютъ;
А впрочемъ нужды въ этомъ нѣтъ,
Что столько жъ иногда уменъ и тотъ, кто бьетъ,
Какъ тѣ, которые побои принимаютъ.
Однако Малого и палка не беретъ.
Посылка за отцомъ, чтобъ въ полкъ ему явиться.
«Нѣтъ, говорятъ: «изволь назадъ ты сына взять, —
И самъ какъ хочешь съ нимъ возиться;
А нашей мочи ужъ не стало больше биться.»
И велѣно отцу его назадъ отдать.
Теперь ужъ отъ него добра не ожидать.
Но нѣтъ, скорехонько Дѣтину проучили.
Еще и мѣсяцъ не прошелъ,
Совсѣмъ Дѣтина присмирѣлъ.
Да чѣмъ же Малого такъ вдругъ перемѣнили?
Ужли въ тюрьму отецъ Дѣтину посадилъ?
Нѣтъ, лучше этого его онъ проучилъ:
Женилъ.

═

XXI.

СТАРИКЪ и РЕБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ.

—

Кто пожилыхъ людей слова пренебрежетъ,
И пылкой юности стремленью покорится,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ.

Ребята у моря со старикомъ гуляли,
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ который вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хотятъ ребята ввесть,
Чтобъ съ ними по морю немного прокатиться.
Но старику ли согласиться
Съ ребятами шалить?
Старикъ и ихъ увѣщаваетъ
Охоту эту отложить;
Ребятамъ живо представляетъ,
Что кончится игра бѣдой.
Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой.
Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить,
Тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поставить.
Старикъ еще ихъ унимать:

«Эй, право, вамъ не сдобровать;
Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю;
Вѣдь вамъ же я добра желаю.»
— Пустое, старичокъ!
Что слушаться его? — А сами прыгъ въ челнокъ,
И въ море наконецъ изъ виду удалились.

Тиха была вода, когда они пустились;
Но вдругъ поднялся вихрь, затмила туча свѣтъ.
Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ:
Ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ;
Ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ:
Челнокъ вверхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

XXII.

ОСЕЛЪ-НЕВѢЖА.

Па встрѣчу Конь Ослу попался,
Гдѣ путь тѣсненекъ былъ.
Почтенья отъ Осла Конь этотъ дожидался,
Хотѣлъ, чтобъ онъ ему дорогу уступилъ.
Однако, какъ Оселъ учтивству не учился,
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
Онъ прямо на Коня идетъ.
Конь вѣжливо Ослу: «Нельзя ль посторониться,
Чтобъ какъ нибудь намъ разойтиться;
Иль дай пройти мнѣ напередъ.»
Однако же Оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь, видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: «Добро, изволь ты прежде проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ уничижить;
И первенства тебя ослинаго лишить.»

XXIII.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

—

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился,
И наконецъ во что ни стало бы рѣшился
Имѣть ее женой.
Не даромъ ею онъ плѣнился:
Красавицы еще не видано такой.
Да та бѣда, въ чемъ всякъ, я чаю, искусился,
Что у красавицъ всѣхъ обычай есть дурной:
Чѣмъ болѣе по нихъ вздыхаютъ,
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина это испыталъ.
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился,
Однако же не могъ никакъ ее склонить.
Что жъ? съ грусти наконецъ онъ странствовать пу-
стился,
И для красавицы (что̀ можетъ злѣе быть!)
Въ дорогѣ съ Бѣсомъ подружился,
И на два года согласился
Себя ему закабалить
Съ тѣмъ, чтобъ его на ней женить.

У Бѣса тотчасъ все съ Дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье Бѣсъ беретъ,
И слово честное даетъ;
А что̀ обѣщано, и дѣломъ совершилось.
Хоть Бѣсъ обыкновенно лжетъ,
Однако тутъ сдержалъ, что̀ сказано имъ было.
И трехъ недѣль не проходило,
Какъ для Дѣтины день счастливый наступилъ:
Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
Но что жъ? — и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
Ужъ Бѣса въ помощь призываетъ.
«Ахъ!» говоритъ ему: «не вѣдаешь всего
Ты горя моего.
Два года вѣдь тебѣ служить я обрекался,
Когда красавицы тобою домогался;
Но, нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь;
А къ кабалѣ моей хоть годъ еще прибавь.»
Но Дьяволъ просьбѣ не внимаетъ;
А молодой
Въ добавокъ Чорту годъ, въ добавокъ и другой,
И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
«Хоть тяжко,» говоритъ: «у чорта быть слугой,
Однако легче все, чѣмъ съ злою жить женой.»

XXIV.

КОНЬ ВЕРХОВОЙ.

—

Верховой гордый Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордый Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,
Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и семъ хвалился.
«Что» говоритъ онъ Клячѣ той:
«Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь ли, меня какъ всякой почитаетъ:
Всякъ, кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?»
Несносна Клячѣ спѣсь Коня;
— Пошелъ, хвастунъ! — ему на это отвѣчаетъ:
Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.

═

XXV.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

—

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ, —
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскiй имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей —
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но Бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое, иль *да*, иль *нѣтъ*,

Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался —
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачемъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Зачѣмъ» онъ говоритъ ему:
«Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
— Легко, мой другъ! понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ. —

═

XXVI.

ОБОЗЪ.

—

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами.
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ — возъ набитъ? —
Пузырями.

XXVII.

ДУРАКЪ и ТѢНЬ.

—

Я видѣлъ одного такого дурака,
Который за своей всегда гонялся тѣнью:
Хотѣлъ ее поймать; казалось и близка,
Но бѣганью его, круженью
Конца нѣтъ; а поймать не можетъ ничего:
За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.
Изъ жалости къ нему, что столько онъ трудится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться.
«Ты хочешь,» говоритъ ему онъ, «тѣнь поймать?
Да ты надъ ней стоишь; а чтобъ ее достать,
То стóитъ только наклониться.»
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія искалъ.
Одинъ мудрецъ ему сказалъ.
— Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ,
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь. —

═

XXVIII.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

—

Жила у барина Собака на дворѣ,
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ, бывало, жилъ чернецъ въ монастырѣ;
Всего же болѣ:
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;
Собаку полюбилъ;
Да какъ достать ее, не знаетъ:
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ;
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
«Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ:
Честнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ Собаку ту сманить.»
Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ.
И всякой разъ, когда, бывало, ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ.
Хозяину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое:
«Нѣтъ, у меня житье ей было бъ не такое;
Иного я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,

Да этой бы Собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ,
И какъ случится спитъ!»
Все, чтó сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ
И думаетъ: — А что, вѣдь, можетъ быть, и впрямъ
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ,
Хоть хорошо и здѣсь... отвѣдать бы пуститься;
А худо — и назадъ вѣдь можно воротиться. —
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ и другой.
Не только-что куска того не получала,
Котораго сосѣдъ сказалъ:
«Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ»
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться.
Спать? — хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.

И подѣломъ! зачѣмъ сбѣжала!
Впередъ собака знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И отъ добра добра не ищутъ.

XXIX.

ВЕЛИКАНЪ и КАРЛИКИ.

Купались Карлики; къ нимъ Великанъ пришелъ,
И то жъ хотѣлъ
Купаться;
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли гдѣ глубина?
«Поди туда, ему сказали:
Вотъ тамъ она;»
И мѣсто указали.
Однако же рѣка
Для Великана все мелка;
Нельзя ему купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться. —
«Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли.»
Но все, гдѣ Карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ Великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ.

XXX.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя Волкъ, что шерсть Пастухъ съ овецъ стрижетъ,
«Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю
Зачѣмъ Пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожу не деретъ?
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И то жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?»
Слонъ, Волчье слыша разсужденье,
— Я долженъ, говоритъ, тебѣ на то сказать:
Ты судишь такъ, какъ Волкъ, а пастухово мнѣнье
Овецъ своихъ не убивать.
Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ кого и шерсть снимать.

XXXI.

ЖЕЛАНІЕ КАЩЕЯ.

—

«Вотъ эту бъ тысячу мнѣ только докопить,
А тамъ я стану жить.»
Сказалъ Кащей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе Кащея,
И тысячу онъ докопилъ,
Однако же Кащей все недоволенъ былъ.
«Нѣтъ тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, болѣе желать уже не стану.»
Увидимъ: тысячу и эту онъ досталъ;
Однако слова не сдержалъ,
И тысячу еще желаетъ;
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:
Сегодня тысячу и эту докопилъ,
А завтра умеръ онъ; и все его имѣнье
Досталося по немъ другимъ на расточенье.

Когда бъ Кащей иной,
Доходъ пріумножая свой,
Еще сегодня догадался,
И пользоваться имъ старался.

XXXII.

ПАУКЪ и МУХИ.

«Постой,» Паукъ сказалъ:
«Я чаю, я нашелъ причину
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мелочь: дай раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и большихъ.»
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется, и сама и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается!

XXXIII.

ЧЕРВИ.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.
А черви гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти, и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворотили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будтобы войной противъ нее пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ, —
Не оберешься бранныхъ словъ.

XXXIV.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

—

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла,
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть се... и переѣла.
Но тою жъ привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежняго Собаку привязали.

═

XXXV.

ХИТРЕЦЪ.

—

Когда-то въ Лондонѣ Хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ, онъ весь, каковъ онъ есть,
Съ руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
Причемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку-то платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.

Пошли по городу листы. — «Ба! что такое?
«Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ, съ ума сошелъ!
Пустое!
«Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ пойметъ,
«Что способу тутъ нѣтъ,
«Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться.
«Однако, чтобы посмѣяться,
«Пойдемъ и поглядимъ что̀ это за чудакъ?»
Ужъ съ чернью въ запуски кареты поскакали;

И ѣдучи Купецъ съ Милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
— Положимъ, говоритъ
Купеческа жена, что это онъ смудритъ,
И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть!
Однако же пора: ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ, погоняй! — Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Которой Хитреца великаго вмѣститъ.
— Что жъ, скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужъ начать. — Кто палкою стучитъ;
Кто топаетъ ногой. По долго дожидавшись,
Узнали, что Хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ промышляетъ.
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать, и съ ними говорить;
Болѣзни всѣ лечить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

XXXVI.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНЫ.

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей;
А зависть въ нихъ бываетъ,
И, можетъ быть, людской еще не уступаетъ.

Какъ свищетъ Соловей, извѣстно въ свѣтѣ всѣмъ;
Что много говорить объ немъ!
Но вздумай на него Воронья чернь озлиться,
Изъ зависти, что онъ, когда ни запоетъ,
Пріятнымъ пѣніемъ людей къ себѣ влечетъ.
— Намъ должно, говорятъ другъ другу, согласиться,
Чтобъ Соловью не дать ужъ больше отличиться:
Всѣ вмѣстѣ запоемъ, когда онъ пѣть начнетъ,
То голосъ тутъ его за нашимъ пропадетъ;
А если и тогда надъ нами верхъ возьметъ,
Такъ будемъ мы кричать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, кто станетъ имъ прельщаться.
Что, долго ли ему и впрямъ торжествовать,
А намъ съ стыдомъ предъ нимъ Воронамъ оставаться?»
И только Соловей свистать, —

Воронье стадо ну кричать!
Но голосъ Соловья не только не терялся,
Еще пріятнѣе по рощѣ раздавался.
Другой бы голосъ, можетъ быть...
Да голосъ Соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Кого съ Воронами поставить здѣсь въ сравненье?

Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей иныхъ бы примѣнить.

—

XXXVII.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА.

—

Лисица много норъ съ отнорками имѣетъ,
И какъ о томъ одинъ ученый разумѣетъ,
Такъ это для того: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то Лисица оплошала,
Такъ, что съ отнорками норы не прокопала.
Казалось, ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной;
А лѣнь частехонько бываетъ намъ бѣдой.
Охотники въ норѣ Лисицу ту застали,
Куда? — нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ Лисицы вдругъ о людяхъ говорить,
Какъ впрямъ того не похвалить,
Кто съ осторожностью и въ службѣ поступаетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ? —
Сталъ новый командиръ изъ мѣста выживать,
Другое есть, куда пристать.
Хоть, впрочемъ, иногда случится,
Гдѣ статской чинъ сидѣлъ, военный очутится,
Да дѣло здѣсь о томъ: — когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

═

XXXVIII.

МАЛЬЧИКЪ и ПТИЧКА.

—

Всѣ полководцы утверждаютъ,
Что хитростью подчасъ и силу побѣждаютъ,
А это точно такъ. — Пришедши Мальчикъ въ лѣсъ,
Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь только мать успѣла
Увидѣть Мальчика, то, чтобъ спасти дѣтей,
Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
И притвориться такъ умѣла,
Что будто чуть жива; а Мальчикъ тутъ за ней,
Покинувши гнѣздо, гоняться
Съ тѣмъ, что когда поймаетъ мать,
Дѣтей успѣетъ онъ достать.
Лишь Мальчикъ станетъ приближаться,
Она впередъ все, да впередъ;
То кой-какъ пробѣжитъ немного, то вспорхнетъ.
Такъ Мальчика она манила, все манила,
И отъ гнѣзда его подалѣ отводила,
Пока онъ отъ нея отсталъ;
А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

═

XXXIX.

ДОМОВОЙ.

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!

Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домовова
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такова,
Все дѣлалъ, что́ онъ могъ: и ладономъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна Хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ Чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ,
Онъ отъ Нечистаго не могъ освободиться.

Случилось Стихотворцу въ домъ
Къ Хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда Нечистый появится,

Зоветъ онъ Автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.
И Стихотворецъ, въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ Хозяину читалъ,
(Однако имя ей комедіи давалъ)
Которою хотя Хозяинъ не прельщался,
Да Сочинитель восхищался.
Нечистый Духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
И стало не видать. — Хозяинъ догадался,
Что Домовой чего-то не взлюбилъ,
Другого вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему Писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ,
И онъ читаетъ.
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
«Постой же, разсуждалъ Хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ Сатаною.
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!»
На третью ночь одинъ Хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ; но чуть лишь только показался,
«Эй, малой, поскорѣй! Хозяинъ закричалъ;
Чтобъ Стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.
Услыша это, Духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,

Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

═

XL.

СЛѢПЦЫ.

Шло нѣсколько Слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые ходятъ,
Когда ихъ зрячіе не водятъ:
Почти что шагъ пройдутъ,
Споткнутся, или упадутъ.
Прохожій, чтобъ Слѣпцамъ не столько спотыкаться,
Даетъ имъ палку опираться.
Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,
А за собой другихъ повелъ.
Пошли, другъ за друга держались,
И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.
Вдругъ споръ между Слѣпцовъ зашелъ:
Вожатымъ каждый быть хотѣлъ;
И споръ еще другой о палкѣ затѣваютъ:
Какого дерева почесть ее — не знаютъ.
Кто говоритъ,
Что палка та кленова;
Другой твердитъ:
Дубова.
И ощупью Слѣпцы хотятъ о томъ судить,
Что́ должно зрячему рѣшить.
Слѣпцы не могутъ согласиться,
И все сильнѣе споръ о палкѣ становится.

Изъ спора въ споръ Слѣпцы, потомъ до бранныхъ словъ
Уже доходитъ межъ Слѣпцовъ;
А тамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга тою,
Котора имъ дана была чтобъ ихъ водить,
Немилосердо бить.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умереть, готовы драться,
А въ спорѣ не поддаться.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вотъ такъ Слѣпцамъ во вредъ служило,
Чтò въ пользу ихъ дано имъ было!
А этакихъ Слѣпцовъ,
Отъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣтѣ не одни погибли милліоны.

XLI.

ДРУЗЬЯ.

—

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ ни кого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ, къ несчастью, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
— Ой, батюшки! тону, тону, ой! помогите. —
«Ребята! что же вы стоите?
«Поможемте!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ» каждый подтвердилъ.
Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ;
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались,
И вытащили возъ на ледъ.

XLII.

ЗАПАДНЯ и ПТИЧКА.

—

Задумалъ кто-то птицъ ловить;
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Котору изловилъ,
Когда тотъ самый онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣвая,
Другимъ приманкою была,
И голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала.
Одна изъ птичекъ налетѣла,
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ подумавши съ собой,
— Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой:
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлый день не ѣла,

Однако въ тѣсноту такую не пойду,
А въ поле полечу: тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою, имѣла.
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить! —

═

XLIII.

ЗАСЛУЖЕНЫЙ КОНЬ.

Былъ Конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупого барина такого не бывало,
И только одного Коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить впору было.
Конь сколько могъ служилъ, но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.
И по прямому бъ надлежало,
Изъ благодарности Коня по смерть кормить;
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать.
Но дряхлаго Коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ,
(Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить)
Безпрокого Коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ.»
И бѣднаго Коня велѣлъ съ двора согнать.

Такого ли Коню за службу воздаянья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
Стыдился бы Коню не дать.

═

XLIV.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛЪ.

—

Какой-то съ умысла дуракъ
Взявъ одного Осла, его раскрасилъ такъ,
Что весь зеленый сталъ, а ноги голубыя.
Повелъ Осла казать по улицамъ дуракъ.
И старики и молодые,
И малый и большой,
Гдѣ ни взялись, кричатъ: «Ахти! Оселъ какой:
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славной вѣкъ бывали.»
По улицамъ смотрѣть Зеленаго Осла
Кипитъ народу безъ числа;
А по домамъ окошки откупаютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется Осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ идти съ Осломъ дороги столько нѣтъ —
И давка вкругъ Осла сказать нельзя какая:

Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

Что жъ? — два дни первые гонялся за Осломъ
Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.
Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда Зеленаго Осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать:
Осла Зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день Осла по улицамъ ведутъ:
Смотрѣть Осла уже и съ мѣста не встаютъ.
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.

Какую глупость ни затѣй,
Поколь еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить:
Ему же будутъ насмѣхаться.
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить.

═══

XLV.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только Соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что̀ этакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
— Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ? —
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
«Вотъ, батюшка! она,» сказалъ.
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньи:
«Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

XLVI.

ЛОШАДЬ и ОСЕЛЪ.

—

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось Лошади въ дорогѣ быть съ Осломъ,
И Лошадь шла порожнякомъ;
А на Ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
— Нѣтъ мочи, говоритъ: я право упаду,
До мѣста не дойду.»
И проситъ Лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
— Тебѣ не стóитъ ничего,
А мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье,
Онъ Лошади сказалъ.
— Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась! —
Сказала Лошадь и помчалась.

Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.

И Лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

═

XLVII.

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО.

—

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили,
И даже и по смерть другъ друга бы любили.
Ой, здѣшній свѣтъ!
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ!
Не стыдно ли взклепать напраслину такую?
Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я самъ свидѣтелемъ тому,
Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ;
И тотъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
А васъ клеветниковъ, чтобъ навѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте: чего бъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять все то за свято почиталъ;
А и жена, чего бъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали
И ссоры никогда между собой не знали.

Чтò нравилося ей, тò нравилось ему.
Когда жъ, бывало, чтò противно одному,
Противно было тò равно и для другова.
  И я не видывалъ согласія такова,
      Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
      Такъ точно и они всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
  Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
  Послѣдній поцалуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
      И словомъ: жили до конца,
Какъ въ первый день живутъ пришедши отъ вѣнца.
    «А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?»
— Да, сколько лѣтъ? — съ недѣлю и всего;
        А безъ того
      На сказку бъ походило. —

═

XLVIII.

СТРЯПЧІЙ и ВОРЫ.

—

Какой-то Стряпчій былъ, всѣмъ стряпчимъ образецъ,
Такой дѣлецъ,
Что стряпческими онъ ухватками своими,
Предъ всѣми стряпчими другими
Взявъ первенство, къ себѣ, всѣхъ истцовъ примапилъ.
И словомъ: такъ проворенъ былъ,
Что часто имъ и тотъ оправданъ оставался,
Который самъ суду въ винѣ своей признался,
И судъ котораго на казнь ужъ осудилъ.

Въ покражѣ двухъ Воровъ поймали;
И должно по суду Воровъ за то казнить.
А это Воры знали,
Однако какъ они о Стряпчемъ тожъ слыхали,
Что если за кого возьмется онъ ходить,
Бояться нечего, то Стряпчаго сыскали:
Сулятъ ему чтó за душей
Изъ краденыхъ вещей,
Лишь только бы оправить,
Отъ смерти ихъ избавить.
Вѣдь тяжко умирать, какъ есть кому чѣмъ жить!

Надѣясь отъ Воровъ подарки получить,
Сталъ Стряпчій за Воровъ ходить;
И выходилъ, что ихъ па волю отпустили,
Всѣхъ вообще судей заставя разумѣть,
Что ихъ напрасно обвинили. —
Вотъ въ свѣтѣ каково старателя имѣть!

Какъ скоро ихъ освободили,
Въ домъ Стряпчаго снесли они, что̀ посулили;
Благодарятъ,
И впредъ дарить его сулятъ.

Какъ это все происходило,
Что Стряпчій отъ Воровъ подарки принималъ,
И съ ними въ радости на счетъ ихъ пировалъ.
Ужъ на дворѣ не рано было;
И сталъ гостей онъ унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только въ домѣ улеглись,
За промыслъ гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и Стряпчаго пожитки расщечили;
Потомъ до соннаго добрались самого,
И въ барышахъ ему бока отколотили.
Оставя чуть живымъ его.

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

XLIX.

СТРЕКОЗА.

Все лѣто Стрекоза въ то только и жила,
Что пѣла;
А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла,
И проситъ Муравья: «Помилуй, Муравей,
Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей:
Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть не знаю.
Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?
А лѣто какъ придетъ, я, право, обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить.
— Да какъ же цѣлое ты лѣто
Ничѣмъ не запаслась? ей Муравей на это.
«Такъ, виновата въ томъ; да что ужъ, не взыщи:
Я запастися все хотѣла,
Да лѣто цѣлое пропѣла. —
«Пропѣла? Хорошо! поди жъ теперь свищи.»

L.

ПИСАТЕЛЬ.

—

Писатель что-то сочинилъ,
Чѣмъ самъ онъ недоволенъ былъ.
Въ способности своей Писатель сомнѣвался,
А потому
Ему
И трудъ свой не казался;
И такъ онъ не ласкался
Ужъ похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
Въ сомнѣньи семъ ему Невѣжда предстаетъ.
Писатель тутъ на разсужденье
Свой трудъ Невѣждѣ подаетъ.
— Пожалуй, говоритъ, скажи свое ты мнѣнье
На это сочиненье.
Судьей Невѣжда сталъ!
Судилъ, рѣшилъ, опредѣлялъ:
Ни въ чемъ не сомнѣвался,
Ни чѣмъ онъ не прельщался,
И только-что кричалъ:
«Вотъ это низко здѣсь! тамъ то неблагородно;

«Въ томъ мѣстѣ теменъ смыслъ! тутъ вовсе нѣтъ его!
«Вотъ это съ правдою несходно!
«Здѣсь остроты нѣтъ ничего!
«Тутъ должно иначе... получше изъясниться!
«А эта рѣчь проста, и не годится!»
И все Невѣжда вкось и вкриво толковалъ.
Что онъ Невѣжда былъ, о томъ Писатель зналъ,
И про себя сказалъ:
—Теперь надежда есть, что трудъ мой не пропалъ.—

═

LI.

ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХЪ и КАРТАВЫХЪ.

—

Не помню гдѣ-то я читалъ,
Что въ старину была землица небольшая,
И мода тамъ была такая,
Которой каждый подражалъ;
Что не было ни человѣка,
Который бы, по обычаю вѣка,
Прихрамывая не ходилъ
И не картавя говорилъ;
А это все тогда искусствомъ называлось,
И красотой считалось.

Проѣзжій изъ земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Пріѣхавши туда, дивится модѣ той,
И говоритъ: «Возможно ль статься,
Чтобъ красоту въ томъ находить,
Хромымъ ходить,
И все картавя говорить?
Нѣтъ! надобно стараться
Такую глупость выводить.»
И вздумалъ-было всѣхъ учить,

Чтобъ такъ, какъ надобно, ходить,
И чисто говорить.
Однако какъ онъ ни старался,
Всякъ при своемъ обычаѣ остался;
И закричали всѣ: — Тебѣ ли насъ учить?
Что на него смотрѣть? Ребята, все пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умѣемъ мы ходить —
И говорить,
Однако не ему ужъ насъ перемудрить:
Да кстати ли теперь повѣрье отмѣнить
Старинное такое?

LII.

БОЯРИНЪ АѲИНСКІЙ.

—

Какой-то господинъ,
Бояринъ знатный изъ Аѳинъ,
Который весь свой вѣкъ ничѣмъ не отличился,
И никакой другой заслуги не имѣлъ,
Окромѣ той одной, что сладко пилъ и ѣлъ,
И завсегда своей породой возносился;
При всемъ однако же той славы все хотѣлъ,
Что будто вправду онъ достоинства имѣлъ.
Весьма не рѣдко то бываетъ,
Чѣмъ меньше кто себя достойнымъ примѣчаетъ,
И, право бы — въ слуги къ себѣ негоденъ былъ,
Когда бы родомъ онъ Бояриномъ не слылъ;
Тѣмъ больше требуетъ почтенья и желаетъ.
Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ Баринъ этотъ былъ,
Какой-то стихотворецъ жилъ,
Который пѣлъ мужей дѣлами именитыхъ,
Не титлами пустыми отмѣнитыхъ.
Писателя сего Бояринъ попросилъ,
Чтобъ нѣчто и въ его онъ славу сочинилъ;
И такъ писателю сей Баринъ говорилъ:

«Когда вы что нибудь мнѣ въ славу сочините,
И мнѣ ту сдѣлаете честь,
Прославиться и вамъ тутъ также случай есть.»
Въ отвѣтъ писатель: — Извините!
Я всею бы душей вамъ въ этомъ услужилъ,
Но сдѣлать этого никакъ мнѣ не возможно,
Затѣмъ что я зарокъ такой ужъ положилъ,
Чтобъ не изъ подлаго ласкательства и ложно
Стихи на похвалу кого нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять.

═

LIII.

ПУСТОМЕЛЯ.

—

Изъ первыхъ шалуновъ молодчикъ,
Великій вертопрахъ, болтунъ и враль господчикъ,
Который только въ то и жилъ
Что вѣсти собиралъ, и вѣсти разносилъ,
Которыя его весь разумъ занимали,
И только лгать,
Молоть, болтать
Безпрестанно заставляли,
А разсуждать о чемъ никакъ не допускали;
Который умныхъ всѣхъ глупцами называлъ,
Или содѣлать ихъ такими всѣхъ желалъ;
Который въ то одно старался,
Чтобъ людямъ голову вскружить,
Враньемъ своимъ бѣсить
И скуку наводить,
И всѣхъ до смерти былъ готовъ заговорить.

Такой молодчикъ вдругъ къ писателю примчался,
И съ попыховъ къ нему бѣжитъ,
А самъ ужъ издали кричитъ:
— Такъ! всё за книгами, и всё уединенны:

И всё отъ свѣта удаленны,
И всё бы вамъ читать,
И всё бы вамъ писать!
И я таки не понимаю,
Какъ полно никогда васъ скука не возьметъ? —
«Я этого не примѣчаю,»
Писатель отвѣчалъ, «одинъ ли я иль нѣтъ,
Когда за книгами сижу я въ размышленьи;
Но чувствую, что я теперь въ уединеньи.»

LIV.

ДВА КУПЦА.

Кащей! ты дурно поступаешь,
Когда лишь въ то живешь, что деньги собираешь,
И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почитаешь:
Ну, если часъ такой пайдетъ,
Что деньги есть, да хлѣба нѣтъ?
Вотъ ты мнѣ смѣхомъ отвѣчаешь!
Да смѣхъ твой можетъ быть пройдетъ:
Дай только разсказать мнѣ нѣчто напередъ.

Въ какомъ-то городѣ два человѣка жили,
Которы промысломъ Купцами оба были.
Одинъ изъ нихъ въ то только жилъ,
Что деньги изъ всего копилъ;
Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смѣялся,
Что онъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ,
И хлѣбный свой запасъ все больше умножалъ.
Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило
Съ осадой наконецъ и голодъ наступилъ.
Теперь что̀ у кого запасу къ счастью было,

Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
Богатый деньгами Кащей безъ хлѣба былъ;
Купить его ко всѣмъ по городу метался:
За хлѣбъ одинъ Кащей всѣ деньги отдаетъ;
Однако же никто и денегъ не беретъ.
Что въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
Кащей въ числѣ другихъ несчастныхъ первый былъ,
Который хлѣба попросилъ
У самого того, кому онъ насмѣхался,
Что тотъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ и его питалъ,
И прочихъ жителей отъ голода спасалъ.
Какъ городъ взяли,
Всѣхъ жителей живыхъ застали.
А у Кащея все богатство обобрали.
«Ну, что?» ему тогда товарищъ говорилъ:
«Гдѣ золото твое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
Когда бъ я хлѣба не копилъ?»

═

LV.

ДІОНИСІЙ и МИНИСТРЪ ЕГО.

—

Изволь пожалуй отвѣчать,
Да такъ, чтобъ не солгать
И правды не сказать.

О Діонисіи, я чаю, всякій знаетъ;
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ!
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каково жъ тому, кто при Тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что ужъ объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ-бы поскорѣе
Сказавъ объ немъ, что понужнѣе,
Оставить мнѣ его.

Разъ у Министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ Тиранъ его за правду почиталъ,

И часто за нее прощалъ.
Стихи (онъ отвѣчалъ Тирану) негодятся. —
Но тутъ не могъ Тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать Министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько Министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему не отвѣчалъ;
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,
И говоритъ ему: «Я долженъ отвѣчать:
Такъ поведи меня подъ караулъ опять.»

LVI.

ДВА БОГАЧА.

—

Два были Богача, и оба въ тяжбѣ были.
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ дать
Не такъ-то чтобъ легко. — Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе,
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться,
И у судей законъ и совѣсть откупить.
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не зачѣмъ ходить.
Приказной формою дѣла и въ судъ вступили;
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе сулили,
Что въ пользу дѣло то пойдетъ.
Проходитъ годъ, другой, и близъ десятка лѣтъ;
Конца однако дѣлу нѣтъ. —
Ужли судьи ихъ сговорились

Такъ долго дѣло волочить?
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ согласились...
Какъ будто бы нельзя другимъ причинамъ быть,
Что дѣло тихо шло? Ну, какъ тутъ поспѣшить?
Съ годъ, говорятъ, по немъ въ однихъ архивахъ ры-
лись.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ споръ происходилъ,
Какой-то Живописецъ былъ,
Который написалъ на Богачей картину,
Такъ, что нагими ихъ онъ въ ней изобразилъ,
И выставилъ въ народъ. Всѣ спрашивать причину;
Весь городъ толковать и говорить объ нихъ,
И только что рѣчей о Богачахъ нагихъ.
Доходитъ вѣсть о томъ до Богачей самихъ.
Пошли смотрѣть картину,
И видятъ: дѣло такъ. Досадно это имъ.
Взбѣсились Богачи: готовы ужъ прошенье
На Живописца подавать,
Чтобы безчестіе взыскать,
И въ тяжбѣ будучи, другую начинать.
— Какъ, говорятъ, снести такое поношенье? —
Пошли его спросить однако напередъ.
— Пожалуй, говорятъ, скажи что за причина,
Что въ поруганье намъ написана картина,
И выставлена въ свѣтъ?
Что, развѣ ты, мой другъ, сочелъ насъ дураками,
Чтобъ насмѣхаться такъ надъ нами? —
«Нѣтъ,» Живописецъ имъ сказалъ:
«Не съ тѣмъ картину я писалъ,

Чтобъ мнѣ надъ вами насмѣхаться;
А только вамъ хотѣлъ картиною сказать,
Чего вамъ должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться.»

═

LVII.

ЛѢСТНИЦА.

—

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакой сталъ лѣстницу мести;
Да началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней соръ смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
— Не безтолковъ ли ты? ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были,
Кто снизу лѣстницу мететъ? —

На что̀ бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

═

LVIII.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Весьма похвально поступаетъ,
Кто бѣднымъ помогаетъ;
И лучше самому хоть съ нуждою прожить,
Чтобъ бѣднымъ удѣлить.

Смирена такъ разбогатѣла,
Что чистымъ золотомъ вдругъ милліонъ имѣла.
Достатокъ сей
Достался по духовной ей.
— Ну, говоритъ: теперь ничто не помѣшаетъ
Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогать.
Хвала Творцу за благодать!
Пускай лишь только пожелаетъ
Кто помощи моей. —
Лишь только молвила, и нищій у дверей;
«Подайте милостыню!» проситъ,
И просьбу съ жалостью такою произноситъ,
Что всякъ бы тронутъ былъ. Смирена мѣры нѣтъ,
Что чувствуетъ и какъ за нищаго страдаетъ.
— Суди Богъ, говоритъ: кто бѣдныхъ покидаетъ!
И нищему большой... гнилой сухарь несетъ.

LIX.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНОЙ.

—

Оселъ съ Овцой, съ Коровой и съ Козой
Когда-то въ пайщики вступили,
И Льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей нибудь землѣ въ тенета попадется,
И звѣря этого удастся изловить,
То бы добычу раздѣлить
По равной части всѣмъ, кому что̀ доведется,

Случись,
Олень къ Козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ они Оленя задушили.

Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ,
Затѣмъ что договоръ такой мы положили.
«Объ этомъ слова нѣтъ»! — Другая часть моя,
Затѣмъ что Львомъ я
Называюсь,

Что первымъ между васъ считаюсь.
«Пускай и то!» — И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.»

═

LX.

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

—

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой,
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И Волку этому случись
Съ Собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душей съ Собакою схватиться,
И ею поживиться;
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была Собака,
И не по немъ была бы драка.
И такъ со стороны учтивой подошелъ;
Лисой къ ней началъ подбиваться:
Ея дородству удивляться,
И всячески ее хвалить.
«Не стóитъ ничего тебѣ такимъ же быть,»
Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься

Идти со мною въ городъ жить.
Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямъ? Скитайся все, рыщи,
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ
васъ!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь не хочу! — всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!
А ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!»
Растаялъ Волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
— А должность исправлять за это мнѣ какую?
Спросилъ Собаку Волкъ. «Что? должность? ни-
чего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужаго никого,
Къ хозяину ласкаться,
И около людей домашнихъ увиваться!»
Волкъ слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;

И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ;
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на Собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
— А это что̀ такое,
Что шея у тебя гола? —
«Такъ, это ничего, пустое.»
— Однако нѣтъ, скажи. — «Такъ, право ничего.
Я чаю
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю.»
— На привязи? тутъ Волкъ вскричалъ,
Такъ ты не все живешь на волѣ? —
«Не все. Да полно, что въ томъ нужды?» Песъ сказалъ.
— А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги! —
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

LXI.

ВОИНЪ.

—

Въ Испаніи, никакъ, я право позабылъ,
Изъ воиновъ одинъ, который заслужилъ,
Чтобъ онъ пожалованъ крестомъ воинскимъ былъ,
Не получилъ сего однако награжденья;
Хоть часто кавалеромъ сталъ,
Кто отъ сраженья
Не разъ бѣжалъ.
Да чрезъ друзей чего иной не получалъ?
Достойный воинъ сей свою обиду сноситъ
И награжденія не проситъ.
Увидѣвъ воина герой
Другой,
Который, съ нимъ служа, не разъ при томъ случался,
Какъ съ непріятелемъ, бывало, тотъ сражался,
И побѣждалъ его. — Возможно ль, говорилъ,
Что ты еще креста не получилъ,
Когда ужъ двадцать разъ его ты заслужилъ?
Я право въ просьбу бы вступилъ;
Авось-либо тебѣ его и дать прикажутъ. —
«Нѣтъ,» отвѣчалъ другой, «пускай мнѣ лучше скажутъ:
За что́ креста я не прошу,
А не за что́ я крестъ ношу?»

═

LXII.

СТАДНИКЪ.

—

Какой-то Стадникъ шелъ,
И стадо при себѣ коней съ ослами велъ.
Кони какъ должно выступаютъ;
Ослы шагаютъ, не шагаютъ:
Все понуканья ждутъ.
Однако же и тутъ
Немного Стадникъ успѣваетъ.
Оселъ лѣнивый скотъ, извѣстно это всѣмъ,
Такъ не проймешь его ничѣмъ.
И Стадникъ погоняетъ
Ословъ сперва пѣшкомъ;
Но наконецъ уставъ, сѣлъ погонять верхомъ:
То пустится за тѣмъ, то за другимъ осломъ;
Того, другого понукаетъ;
Но столько же верхомъ, какъ пѣшій успѣваетъ;
И выбился и самъ изъ силъ,
И лошадей пристановилъ.

Такъ часто господинъ съ дурнымъ слугою бьется,
А за негоднаго и добрымъ достается!

═

LXIII.

ПРАЗДНИКЪ ДЕРЕВЕНСКІЙ.

Мы въ прихотяхъ своихъ того не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу ль намъ все тò, чего желаемъ.

Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ? Крестьяне дожидаться;
Всѣмъ тѣмъ, чтò надобно, на праздникъ запасаться;
И въ радости такой
Сряжаться:
Какъ погулять,
Попировать,
Самимъ какъ въ гости побывать,
И какъ гостей къ себѣ созвать.

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало,
Такъ что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать:
Такъ для народа
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,

И грязь гулякамъ по колѣни.
Крестьяне въ жалобу и въ пѣни.
Никто и празднику не радъ;
И къ богу ведра приступили
(Язычники крестьяне были):
— Помилуй, говорятъ: во весь мы круглый годъ
Часа покою не имѣемъ:
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, такъ на своихъ господъ.
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла!
Погода до того все хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться. —

«Неблагодарные!» богъ ведра имъ сказалъ:
«Не знаете чего хотите.
Впередъ Судьбу вы не гнѣвите.
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ:
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ.»

═

LXIV.

ОСЕЛЪ, ПРИГЛАШЕННЫЙ НА ОХОТУ.

—

Собравшись Левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту разсудить:
Затѣмъ, что этого родясь съ нимъ не случалось.
И сглупа показалось
Ему,
Что милость Льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
«Вотъ,» говоритъ:
«Вся мелочь при Дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ;
А самъ и царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною:
Такъ, знать, чего нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать!» — сказалъ.

Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейску важную осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ
И что̀ ни дѣлаетъ и что̀ ни говоритъ,
Всегда и всякому, что членъ онъ подтвердитъ.
И ежели кого другого не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
И имъ, что членомъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ членомъ каждый разъ ему не подписаться;
И словомъ: весь онъ членъ; и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до... лошадей!

Такъ точно и Оселъ мой началъ возноситься:
Не знаетъ какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому Ослу случится
Льва на охоту проводить.
Да чѣмъ-то это все рѣшится?
Осла Левъ на охоту брать.....
Чтобъ съ царской милостью Ослу не горевать. —

Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на Осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда Оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

═

LXV.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

—

Когда бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ чему бъ тогда годился свѣтъ?
Куда бъ и не идти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ.
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала:
Я видѣлъ: лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ пристала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
То, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она, хоть черезъ мочь, везти и надсѣдаться,
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

LXVI.

ПОПУГАЙ.

—

У барина былъ Попугай,
Который какъ-то невзначай
От барина изъ дому
Въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому;
И только прилетѣть успѣлъ,
Заговорилъ, что разумѣлъ.

Нерѣдко чернь, когда чего не понимаетъ,
За дьявольщину почитаетъ.

Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ,
И слышать не слыхалъ объ нихъ;
Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ сила.
Жена его тотчасъ молитву сотворила,
И какъ на выдумки хитрѣй его была,
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ)
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
И попугая имъ накрыла;

А сверхъ того
Крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ, накрывши заградила.
«Сиди же!» говоритъ.
И Попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались Попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ, пришли
И подъ горшкомъ нашли
Его чуть-чуть живого.

На это что̀ сказать иного:
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

LXVII.

МУРАВЕЙ и ЗЕРНО.

—

Готовя Муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не Муравью бы имъ, казалось, и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать;
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой Муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла —
И Муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а Муравей въ другую.

Не трогая струну людскую,
Мнѣ только Муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

—

LXVIII.

ЛѢНИВЫЕ и РЕТИВЫЕ КОНИ.

—

Въ однѣхъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые не съ мѣста, стали, —
А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
Ну! ну! и погонять;
Ни съ мѣста. — Способа другого не сыскали,
Какъ изъ возовъ коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ:
Лишь только-что одну ввезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ.
Когда жъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.
Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

═

LXIX.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

—

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;
И крошками кормилъ.
Лишь голосъ дастъ ко сбору,
То куры тутъ какъ тутъ,
Отвсюду набѣгутъ.
Голубка тоже прилетѣла,
И крошекъ поклевать хотѣла;
Да той отваги не имѣла,
Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
Клевали крохи, да клевали.

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

═

LXX.

НЕВѢЖЕСТВО и СКУПОСТЬ.

—

От зла и одного чего не заведется!
Что жъ, если больше ихъ столкнется?

Невѣжа, а притомъ скупой,
По милости Судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну литую
Старинную статую,
Такой
Работы мастерской,
Что въ наши времена не сдѣлаютъ другой.
Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразя, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки цѣны не находили.

LXXI.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ.

Былъ Левъ слѣпой; а быть и знатному слѣпымъ
Дурное, право, состоянье!
Давай, хоть не давай Левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье,
Иль правду въ томъ,
Или въ другомъ
Не думай Левъ узнать: обманутъ былъ кругомъ!

Лиса придетъ и рапортуетъ,
Что Львовъ запасный дворъ находится у ней
Во всей
Сохранности своей;
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ щечить,
Чтобъ не мѣшали ей тащить.

Волкъ тожъ, бывало, Льву наскажетъ,
Когда онъ наловить звѣрей ему прикажетъ,
Что ловъ сегодни былъ дурной,
И попадался звѣрь худой,
Себѣ же жирный кусъ оставитъ;

А чтобъ повѣрилъ Левъ, свидѣтелей поставитъ.
И словомъ: всякъ, кому по должности дойдетъ
Льву донести о чемъ, чтó хочетъ, тó налжетъ.
Тутъ, кромѣ воровства и лжи, не жди другого
От мала до большого.

Слѣпого Льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ, какъ иныхъ господъ слугамъ.

═

LXXII.

ЛИСИЦА и СОРОКА.

—

— Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что-таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
— Я чаю, есть что́ перенять,
Когда ты станешь разсуждать? —

«Все, что̀ я говорю,» Сорока отвѣчала:
«Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней.
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ Жука до Орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
И толкъ дала.»

— Большое, говоритъ Лисица, одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла. —

Какъ иногда педантъ, глубоко изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,

Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ,
И важно въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока, повертясь
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ принявъ ученый видъ,
«Я рада,» говоритъ,
«Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малой и большой,
Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай, о тебѣ самой
Теперь я разсуждала;
Ты вѣдь четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя
Покажется; но знай, все что̀ бъ я ни сказала,
Не доказавъ не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты, когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что̀ теперь я буду выводить:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То все нога твоя не по землѣ ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,

То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И такъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ;
А изъ того теперь и нужно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье!»

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: «Стало быть не межъ однихъ людей
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.»

LXXIII.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

—

Когда-то Стрѣлка часовая
На башнѣ городской
Свои достоинства считая,
Расхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,
— Не должно ль, говоритъ, имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу какъ-бы въ законъ;
Все, что́ ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ-будто прикажу.
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
А вы что значите? кто видитъ васъ? — «Постой
Нельзя ли какъ нибудь потише;
И слово дать
И намъ сказать.»
Другія части отвѣчали:

«Знай, что когда бъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что̀ считали;
Важна ты нами, не собой.»

И я скажу, но будь то сказано межъ нами,
Что этакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

═

LXXIV.

ОСЕЛЪ ВЪ УБОРѢ.

—

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь! — И Ослы тогда
Считаютъ, что они большіе господа.

Не помню, право, я, по случаю какому
Отправилъ Левъ Осла
Къ сосѣду Льву другому
(Но разумѣется, не въ качествѣ посла),
Къ сосѣду дорогому
Какіе-то подарки снесть.
Посольство отправлять у Льва Лисица есть.
Но хоть подарки несть Осла употребили,
Однако все его богато нарядили.
Оселъ
Лишь на уборъ свой посмотрѣлъ,
Не вспомнился и взбѣленился:
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ,
Дороги отъ Осла звѣрямъ и умнымъ нѣтъ;
Самъ Левъ не такъ гордился.
Ословъ поступокъ сей

Противъ достойнѣйшихъ звѣрей
Сталъ свыше ужъ терпѣнья.
Пришли и на Осла Льву подали прошенье.
Левъ, просьбу разсмотря, Осла къ себѣ призвалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
«Твое достоинство не чинъ опредѣляетъ,
Одинъ уборъ твой
Золотой;
Другихъ звѣрей талантъ, заслуга отличаетъ.»
Уборъ съ Осла онъ снять велѣлъ.
Оселъ достоинства другого не имѣлъ,
И безъ убора сталъ, какъ прежде былъ — оселъ.

═

LXXV.

УСЛУГА.

Во всякомъ случаѣ незнаніе — бѣда.
Считаешь иногда:
На что мнѣ суетиться,
Тому, иль этому учиться?
Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ. —
Дойдетъ ли, или нѣтъ,
А знанье все-таки годится.
Когда же и случится
Чего не знать,
То лучше въ дѣло не мѣшаться,
Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Такъ нѣкто думая услугу показать,
Въ саду взялся траву дурную вырывать;
По толку въ травахъ онъ не зная,
Совсѣмъ противную услугу оказалъ:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

LXXVI.

ЛЕВЪ СВАТЪ.

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ,
(Вѣдь занимаются любовными дѣлами,
Не только межъ людьми, но также межъ скотами)
И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
А для того онъ (тожъ, какъ люди поступаютъ,
Что за другого съ рукъ любовницу сживаютъ,
Когда наскучится имъ все одну любить)
Хотѣлъ красавицу, но не безчестно, сжить:
Онъ Барса пестраго хотѣлъ на ней женить.
Да какъ Левъ ни старался,
Женихъ замѣченной никакъ не поддавался.
«Но Левъ бы только приказалъ?» —
Да Левъ ей счастія желалъ;
А вѣдь любить жену указа не дается:
И въ случаяхъ такихъ политика ведется
И у звѣрей,
Какъ у людей.
Къ тому же дѣло щекотливо,
Любовницу себѣ въ жены такую взять,
Котору ищетъ самъ любовникъ съ рукъ отдать.
А потому ничуть не диво,

Что жениха не могъ невѣстѣ Левъ сыскать.
Но свадьбы не хотѣлъ ужъ больше отлагать.
Придворному Ослу онъ прямо предлагаетъ:
«Послушай,» говоритъ, «назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.
Возьми ее ты за себя;
А я тебѣ дамъ чинъ, и будешь ты мнѣ другомъ.»
Осла, не какъ другихъ, раздумье не беретъ.
Оселъ въ безчестьи незадоренъ;
На предложенье Льва Оселъ тотчасъ сговоренъ,
Сказавъ: — Хотя, какъ судитъ свѣтъ,
Въ женитьбѣ этакой большой мнѣ чести нѣтъ,
Но милость львиную она мнѣ принесетъ:
А съ ней толь знатны роги
На четвереньках сплошь вѣдь носятъ и двуноги. —

═

LXXVII.

ДОМЪ.

—

Былъ домъ, хотя и небольшой,
Однако же такой,
Что выгодъ хоть кому бъ достало;
Но какъ любимое людское слово: *мало!*
(То есть, когда берутъ,
А не даютъ),
То малъ и этотъ домъ хозяину казался;
И все онъ въ немъ не помѣщался,
Какъ вдоль и вширь и вверхъ его ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ, не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
И чѣмъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,
Чтобъ не дошелъ до разоренья.
Сперва-таки его хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья
Не стало домъ такой въ порядкѣ содержать.
Вѣдь одному не раздѣлиться,
Чтобъ все собой обнять;
А на присмотръ другихъ нѣтъ хуже положиться:
Не видитъ глазъ чужой
Того, что̀ видитъ свой.
И домъ все ветшѣ становится:

Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ;
А въ десяти валится!
Но что? — не только этотъ домъ,
И Царство Римлянъ пало,
Когда полсвѣтомъ завладало.
И для того, когда бъ пошло на выборъ мой,
То бъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправный домъ, хотя и небольшой,
Чѣмъ зáмокъ иль дворецъ, который бы валился.

═

LXXVIII.

ПЧЕЛА и КУРИЦА.

—

Съ Пчелою Курица затѣяла считаться,
И говоритъ Пчелѣ: — Ну, подлинно, Пчела,
Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямъ о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И въ день по яицу несемъ. —
«Не смѣйся,» Курицѣ Пчела на то сказала:
«Что я тебѣ не подражала,»
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла и всѣмъ о томъ твердишь;
Такъ ты и заключала,
Что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится:
Мы, нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ
Себѣ уютный строимъ домъ,

И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.»

Кого же мы съ Пчелой и съ Курицей сравнимъ? —
Невѣжда и хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится;
Такъ только ко Пчелѣ науку примѣнимъ.

LXXIX.

ВДОВА.

—

Нѣтъ, полно больше согрѣшать,
И говорить, что женъ такихъ нельзя сыскать,
Которы бы мужей любили,
И ихъ по смерти не забыли.
Я признаюся, самъ въ томъ часто согрѣшалъ,
И легкомысліемъ полъ нѣжный упрекалъ;
А нынѣ всякой разъ готовъ за женъ вступиться,
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться.

Жена
Лишилася супруга.
«Лишилась,» вопіетъ она:
«Тебя я, мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить.»
Жена терзаться,
Ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Что̀ ей ни станутъ говорить,
И какъ ни унимаютъ,
Что̀ въ утѣшеніе ея ни представляютъ,

Отвѣтъ жены былъ тотъ: «Жестокіе! мнѣ ль жить,
Мнѣ ль жить, лишася друга мила?
Нѣтъ, жизнь моя — могила!»
Отчаяннымъ словамъ
Я былъ свидѣтель самъ.
Вотъ мужа какъ жена любила!
Нельзя, казалося, такъ мертваго любить.
Везутъ покойника къ погосту хоронить,
И опускаютъ ужъ въ могилу;
Жена туда же къ другу милу....
Но неужель себя и впрямъ зарыть дала? —
Нѣтъ! такъ бы замужемъ чрезъ мѣсяцъ не была.

═

LXXX.

ПЕРЕПЕЛКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

—

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя,
Къ успѣху лучшая надежда на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзда вьютъ
Задолго передъ тѣмъ, когда поля цвѣтутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы поспѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отстала;
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить когда пора прошла,
И въ полѣ жатва поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить летать ихъ не успѣла,
И дѣтямъ говоритъ:
«Охъ, дѣти! эта рожь бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять;
А вы смотрите

Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите.»
Пришелъ Хозяинъ между тѣмъ
Какъ Перепелка отлетѣла,
— Да рожь-то, говоритъ, совсѣмъ
Поспѣла.
Пойти-было друзьямъ пріятелямъ сказать,
Чтобъ завтра помогли мнѣ эту рожь пожать. —
И тутъ, помилуй Богъ! какая
Тревога сдѣлалась между перепелятъ!
— Ахъ, матушка! ахти! кричатъ:
Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ завтра вдругъ пожать.
«И! — (говоритъ имъ мать)
Пустое, нечего бояться.
Мы можемъ здѣсь еще покойно оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ,
Да завтра только вы смотрите,
Что ни услышите, мнѣ все перескажите.»

Пришелъ Хозяинъ. Ждать пождать: нѣтъ никого!
— Вотъ, говоритъ, до одного
Прійти всѣ обѣщали,
А не бывали!
Надѣйся! Ну пойти опять
Теперь родню позвать,
Чтобъ завтра эту рожь пожать. —
Тревога межъ перепелятъ
И пуще прежняго! — Роднѣ своей, кричатъ:

Роднѣ, онъ говорилъ, сбираться!
«Пустое,» говоритъ имъ мать: «родни бояться;
Иного бъ не было чего.»
Пришелъ Хозяинъ, такъ какъ приходилъ и прежде;
И видитъ, что родни нѣтъ также никого.
— Въ напрасной, онъ сказалъ: я былъ на нихъ надеждѣ;
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
Для своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать, завтра по утру семьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку жать. —
«Ну, дѣти!» говоритъ услыша это мать:
«Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться.» —
Тутъ кто поршкомъ,
Кто кувыркомъ,
Ну поскорѣе убираться.

LXXXI.

ПОБОРЪ ЛЬВИНЫЙ.

—

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню, право, я за множествомъ, какихъ
Опредѣленныхъ Льву съ звѣринаго народа,
(Такъ какъ крестьяне по душамъ
Даютъ оброки господамъ.)
И масло также шло для Львова обихода.
А сборъ такой,
Какъ всякой и другой,
Имѣлъ Приказъ особой свой:
Звѣрей особыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать;
А сборщиковъ не мало было.
Да рѣчь здѣсь не о томъ: мнѣ хочется сказать,
Чтó какъ происходило,
Когда сбирали тотъ
Доходъ.
Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая,
Другъ другу жирненькой оброкъ передавая,
Катали въ лапахъ напередъ;
А масло вѣдь къ сухому льнетъ!

То потому его немало
Къ звѣринымъ лапамъ приставало.
И такъ, переходя кругомъ,
Огромный масла комъ
Сталъ маленькимъ комкомъ.
Левъ въ этомъ своего не находилъ расчета;
А Слонъ, котораго призвалъ
Онъ для совѣта,
Напрямики его величеству сказалъ:
«Гдѣ сборы,
Тутъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство.»

LXXXII.

ЧУЖАЯ БѢДА.

—

Уже ль чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣно продавать;
Случился косогоръ, возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился;
Да видитъ, одному ему не совладать:
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
«Вотъ, чортъ на косогоръ занесъ»
Проѣзжій отвѣчаетъ,
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напрягши силы, возъ
Кое-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ, анъ видитъ тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что́ ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же мужику: «Ой! помоги» кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ.
«Знать, врагъ

Занесъ въ оврагъ,»
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
«Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жъ и самъ теперь. Прощай, братъ, добра ночь!»

LXXXIII.

СТАТУЯ.

—

Искусный нѣкакой рѣзчикъ,
Какъ трудъ казался ни великъ,
Затѣялъ вырѣзать статую,
Такую
Которая бъ могла ходить, лежать, сидѣть,
И слушать и глядѣть;
И словомъ: чувства всѣ, какъ человѣкъ, имѣть.
Рѣзчикъ статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣщикъ истощеваетъ:
Статуя движется, статуя говоритъ,
И человѣческій во всѣмъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человѣкъ — машина.
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣйствуетъ пружина.
Статуѣ все-таки души не достаетъ.
Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ.
Совсѣмъ тѣмъ къ ней народъ толпами собирался;
Статуѣ каждый удивлялся;
Всякъ отъ статуи безъ ума.
Но съ тѣхъ поръ, знать, весьма
Искусство это расплодилось:
Статуй сихъ множество межъ нами появилось.

═

LXXXIV.

ИМѢНIЕ и ССОРА.

—

Не вѣсть разбойники, не вѣсть мурзы какiе,
Да только люди не простые,
И двое ихъ всего,
(То есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число совсѣмъ другое)
Сложились съ шайкой ихъ: сосѣда своего
Вонъ выгнать изъ владѣнья,
И раздѣлить между собой его.
Гдѣ между частныхъ споръ случится о раздѣлѣ,
Тамъ можно способы черезъ людей найти,
Кое-какъ ссору развести;
А въ этомъ спорномъ дѣлѣ,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ споръ рѣшить, какъ не войной?
Пошла война: дрались, безъ счету побивали.
Но какъ лишь бьющихся число,
Неспорющихся уменьшали,
То что̀ войну пресѣчь могло?
Иные ужъ желали,
Что хоть бы правый проигралъ,

Лишь только бъ драться перестали.
«Да что?» Тутъ нѣкто разсуждалъ:
«Хоть двое третьяго теперь и одолѣютъ,
За то жъ имѣніе вдвоемъ войну затѣютъ.»

═

LXXXV.

СОБАКА и МУХИ.

—

Собака ловитъ Мухъ, однако не поймаетъ;
И глупая не разсуждаетъ,
Что Муха, вѣдь, летаетъ.
— Лови, Собака, тò, что сыщешь подъ ногой;
Не то, что̀ надъ твоей летаетъ головой.

═

LXXXVI.

БУКВЫ.

—

Чтобы ученыхъ отучить
Въ словахъ смыслъ тайный находить,
Который въ нихъ они находятъ,
И сумасбродствуя, другихъ въ безумство вводятъ:
Не помню царь земли какой
Ихъ шуткой отучилъ такой:
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
Остатки башень городскихъ;
А около лежали
Обломки ихъ.
На сихъ обломкахъ царь, ученымъ въ искушенье,
Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
И будто древнія въ развалинахъ сыскалъ,
Онъ разослалъ ихъ на рѣшенье.
«Посмотримъ,» царь сказалъ:
Какое выведутъ ученые значенье?
Ужъ то-то толки тутъ
Пойдутъ!»
И подлинно пошли: хлопочутъ, разбираютъ,
Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.

Разсылка буквъ по всѣмъ землямъ:
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
И толковъ тысяча идетъ:
Иной египетскихъ сокрытыхъ таинствъ свѣтъ
Тутъ выискалъ; инаго мнѣнье,
Что тутъ предсказанъ день всемірнаго рушенья;
Иной въ значеньи ихъ нашелъ закрытый кладъ.
И вкось и вкриво всѣ о буквахъ сихъ твердятъ,
Но мрака древности никто не проницаетъ.
Царь наконецъ, хотѣвъ ихъ глупость обличить,
Всѣмъ приказалъ къ себѣ отцамъ ученымъ быть,
И заданныя имъ самъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ.
Былъ тотъ: *здѣсь водопой ословъ.*

═

LXXXVII.

МЕТАФИЗИКЪ.

—

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И Малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ,
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:

Сыскать начало всѣхъ началъ.
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думный между тѣмъ Дѣтина
Въ той ямѣ сидя разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье.....»

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ,» говоритъ: «тебѣ веревка: ухватися.
Я потащу тебя, держися.»
— Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ
(Понесъ Студентъ обычный бредъ)
Веревка вещь какая? —

Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь,» ему отвѣтствова́лъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.»
— На это бъ выдумать орудіе другое,
Ученый все свое несетъ:
А это что̀ такое?...

Веревка! — вервіе простое!»
«Да время надобно!» отецъ ему на то:
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.»
— Да время что?
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди,» сказалъ отецъ: «пока приду опять.»

Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

LXXXVIII.

ЧУЖІЯ БАСНИ.

ЛЬВИНЫЙ УКАЗЪ.

—

«Такое-то число и годъ,
«По силѣ даннаго велѣнья,
«Рогатый крупный, мелкій скотъ
«Имѣетъ изгнанъ быть изъ львинаго владѣнья,
«И долженъ выходить тотчасъ.» —

Такой отъ Льва звѣрямъ объявленъ былъ указъ;
И всѣ повиновались:
Отправился Козелъ, Бараны въ путь сбирались,
Олень и Волъ и всѣ рогатые скоты,
И Заяцъ по слѣдамъ въ догонку ихъ. — А ты,
Косой, куды?
Кричитъ ему Лиса. — «Ахъ, кумушка, бѣды!»
(Трусливый Зайчикъ такъ Лисицѣ отзывался,
А самъ совался
И метался)
«Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь, сочтутъ рогами ихъ.
Ахти! зачѣмъ я здѣсь остался?

Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ.»
— Ума въ тебѣ, косой, не стало: это уши!
Лисица говоритъ. — «Рогами назовутъ;
Пойдутъ и уши тпруши!»

═

LXXXIX.

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ.

—

Случилося у Льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать.
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
(Мартышка говоритъ:
На Льва разсержена —
Обижена была она
И обойденною считалась.)
«Передъ лицемъ служа, Мартышкой я осталась!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И Волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить.
Случится же судью такъ кстати посадитъ!
А гдѣ они служили?

Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба Льву моя;
Извѣстно, кто чего достоинъ.»
— Да гдѣ жъ служила ты? — Барсукъ ее спросилъ.
«Передъ самимъ Царемъ два года съ половиной
Шутила всякой день; а онъ меня сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ!»
— Шутила ты вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ!
Барсукъ ей отвѣчалъ:
Но произвесть тебя по службѣ не возможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ сочиненіямъ Хемницера.

—

А.

Стран.

Г.

Д.

Ж.

З.

И.

Стран.

К.

Л.

М.

Стран.

Н.

О.

П.

Стран.

Р.

С.

Стран.

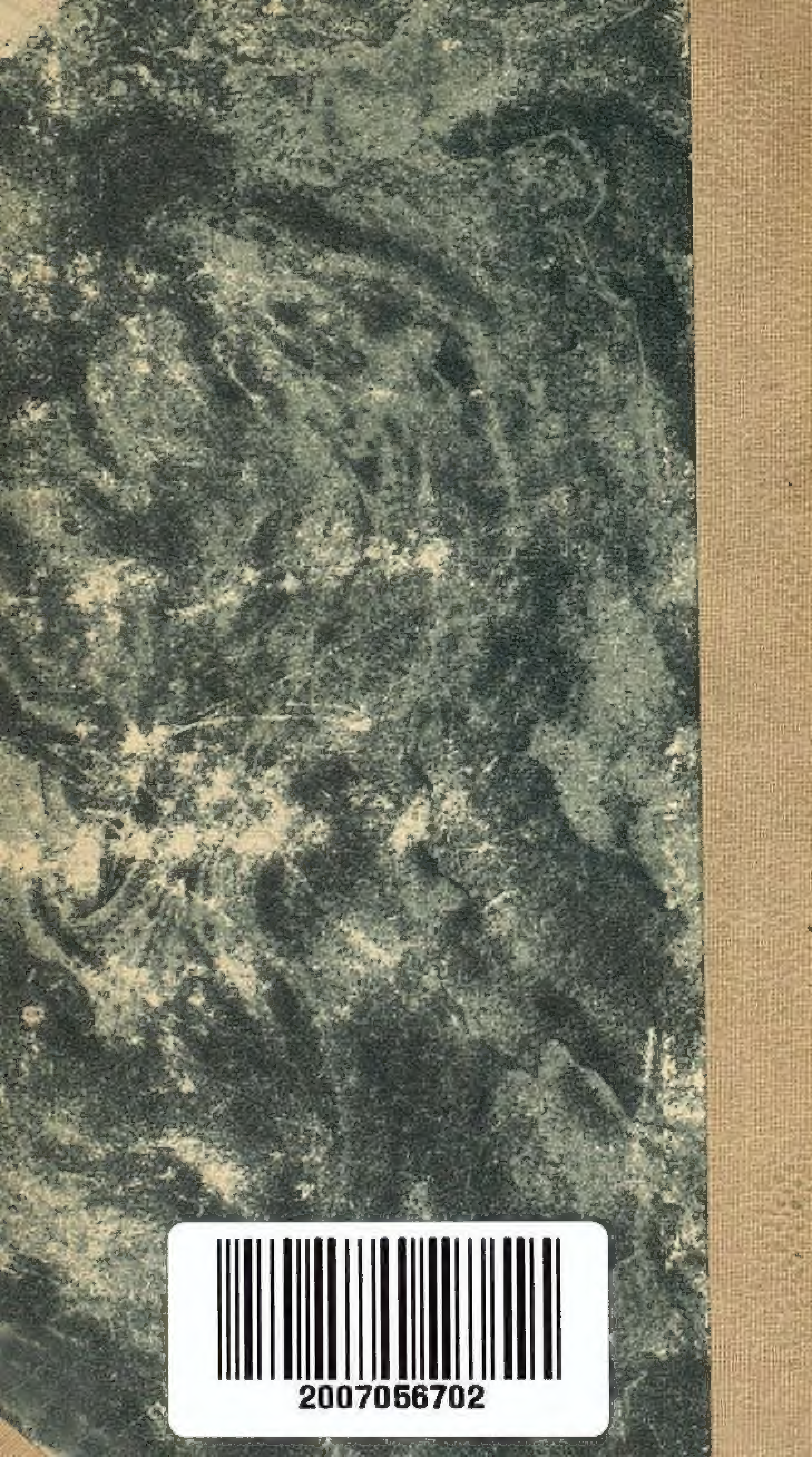
Т.

У.

Х.

Ч.

Цѣна 50 коп. сер.

2007056702